

Старожилы Темиртау помнят, что театральная история города начиналась с «Буревестника» — народного театра драмы при Доме строителей треста "Казметаллургстрой". В шестидесятом году, три десятилетия назад, я сам с удовольствием смотрел на сцене «Буревестника» первую его постановку — "Юность отца" по пьесе Бориса Горбачева.

Впрочем, драматические кружки художественной самодеятельности существовали и раньше, но в самостоятельные художественные коллективы они оформились после войны. Театральным новорожденный

Мадисон — Келлер отдавала предпочтение русской классике. Центральный клуб можно было считать темиртауским «Домом Островского», как в Москве — Малый театр. Правда, именно Мадисон и Келлер первыми в области осуществили постановку инсценировки по фадеевской «Молодой гвардии». Причем довольно успешно. Я видел этот спектакль и рецензировал его в городской газете. Но лучшей работой коллектива Мадисона — Келлера была постановка пьесы А. Островского «Бедность не порок» с Германом Владимировичем в одной из главных ролей,

ла Жунусовым обвинили меня в пропаганде есенинщины и зощенковщины даже в моих газетных публикациях о скоростных плавках степи, инициатором которых на Казахском металлургическом заводе был мой хороший друг, впоследствии Герой Социалистического Труда, почетный металлург Дарибаев.

Упаси боже, ни рассказов Михаила Зошенко, ни стихов Сергея Есенина с клубной сцены я не читал, но своей любви к тому и другому ни от кого не скрывал. Но в глазах Елизаветы Петровны даже любовь к «Анне Снегиной» была политическим преступлением.

ВСПОМНИМ ИСТОКИ

Темиртау — город театральный

город на берегу Самаркандского водохранилища сделали... ссыльные.

Если в 1945—1947 годах я в Темиртау был лишь наездами, а в клубах бывал только в качестве зрителя, то позже работал в редакции городской газеты «Темиртауский рабочий», и вскоре директор клуба КарГРЭС Николай Васильевич

Акенов, с которым я подружился, вовлек меня в свой драматический коллектив, которым руководила профессиональная актриса Любовь Ивановна Доллар. Говорили, что до ареста, отбывая наказание в печально анаменитом Карлаге она была актрисой

Каждая премьера становилась событием в жизни поселка, ставшего городом. Выезжали самодеятельные коллективы и на гастроли в соседние населенные пункты, в том числе и в Караганду. Но нечасто и на весьма короткое время. Руководители коллективов состояли на учете в спецкомендатурах и без их разрешений не могли выехать за черту Темиртау. Не могли оставить работу и многие ведущие исполнители, ибо в то время даже опоздание на двадцать минут считалось уголовно наказуемым преступлением. А прогул мог привести к тюремному заключению.

Кстати, после Темиртау я попал в Балхаш, где а то время постоянно находился Карагандинский областной русский драматический театр, директором которого был Натан Аронович Белкин. В его труппе работали, конечно, профессионалы. Честное слово, игра их ничем не отличалась от игры любителей на сценах темиртаусских рабочих клубов. Мы ведь работали от души, а не халтурили. Халтурить нам не позволили бы наши наставники.

Я не идеализирую свою молодость. Актера Шмаги из меня не вышло ни на сцене, ни в жизни. Но уроки актерского мастерства, которые мне давала ссыльная Любовь Ивановна Доллар, расширили мой кругозор, позволили хоть краешком глаза взглянуть на искусство изнутри, не из партера или бельэтажа, а из комнаты для репетиций, в которых я участвовал как исполнитель роли инженера Зайцева в пьесе Софронова "Московский характер".

Много воемени и сил отдали мы работе над этим спектаклем, но больше всего Любовь Ивановна. К самой премьере у меня разболелся зуб, разнесло правую щеку, Я не на шутку испугался; ведь за день-два никого не введешь на роль Зайцева. Но Любовь

какого-то столичного театра и даже имела звание не то заслуженной, не то народной артистки. После отбытия срока местом ссылки ей был определен поселок Самаркандский, тогда пригород Караганды с пятидесятысячным населением.

Народных театров в то далекое время еще не существовало, но наш коллектив был поистине народным. Его костяком были энергетики, строители и металлурги. Они ни копейки не получали ни за спектакли, ни, тем более, за практически ежевечерние репетиции под началом весьма требовательной, а порой даже беспощадной своей руководительницы.

Клуб КарГРЭС нельзя было назвать ни домом, ни, тем более, дворцом культуры. Подлинный дворец был построен почти через десять лет, но, увы, драматического коллектива в нем уже не было. После отъезда Любови Ивановны Доллар он перестал существовать. А наш клуб располагался в саманном доме барачного типа, давно склонном к разрушению. Причем восстанавливать эту развалину не было никакого смысла.

Было в городе еще два клуба. Центральный, что рядом с рынком, принадлежал заводу синтетического каучука и славился своим самостоятельным театром, которым руководил профессиональный актер и режиссер Мадисон. К сожалению, его имени и отчества за давностью лет я не помню. Знаю, что он тоже был спецпереселенцем, как и ведущий блестящий актер его труппы Герман Владимирович Келлер.

Клуб строителей в 1949 году получил новое здание, но, помнится, своего театрального коллектива тогда не имел. Но созданный через десять лет, «Буревестник» возник не на пустом месте, его костяк составили воспитанники Мадисона, Келлера, Доллар и других ссыльных профессиональных режиссеров и актеров, к тому времени получивших свободу.

У каждого коллектива было свое творческое лицо. Любовь Ивановна Доллар ставила в основном спектакли из советского репертуара, а «спарка»

Нельзя забывать и того, что все, о чем я сейчас вспоминаю, происходило в условиях ждановщины, вскоре после печально знаменитых постановлений «О журналах «Звезда» и «Ленинград» и «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». Секретарь горкома партии Елизавета Петровна Зимина лично утверждала репертуар не только самостоятельных театров, но и любого концерта художественной самостоятельности в любом красном уголке города.

Ох уж эта Елизавета Петровна! Она в моих глазах навсегда осталась олицетворением ждановщины. Все мы, в том числе журналисты особенно, обязаны были бороться с проявлениями зощенковщины, есенинщины, космополитизма, преклонения перед иностранщиной и прочими грехами на идеологическом фронте.

В городском саду, как водится, существовала танцплощадка. Танцевали тогда под радиолу. Но не дай Бог, чтобы кто-то поставил на диск пластинку с записью фокстрота или танго! Услышав через окно своего горкомовского кабинета доносящиеся из парка крамольные звуки, Елизавета Петроена немедленно мчалась на место происшествия, чтобы лично немедленно пресечь, запретить, осудить «пошлость и разврат». Допускались только балльные и народные танцы. Поэтому, наверное, я так и не научился танцевать. В войну, на фронте, было не до танцевлясов, в после войны многочисленные елизаветы петровны, в том числе и мужского пола, бдительно охраняли мою нравственность от тлетворного влияния европейской культуры.

Секретарь горкома Зимина, заведующий отделом пропаганды Шпилевой и другие идеологи приходили в клубы не отдыхать, а контролировать. Причиной моего отъезда из Темиртау было вовсе не собственное желание, не охота к перемене мест. Те же Зимина и Шпилевой вкупе с секретарем горкома комсомо-

Ивановна сказала:

— Ничего страшного! Флюс — не инфаркт. Будешь играть с повязкой на щеке. Водь могут заболеть зубы не только у Мухина, но и у его героя, поскольк он такой же человек.

Не знаю, какими путями слух о том, что в никому тогда ведомом городке Тсмиртау самостоятельные артисты поставили «Московский характер» раньше многих профессиональных театров, дошел до Москвы, но скоро к нам прилетел из столицы фотокорреспондент ТАСС Владислав Шаровский.

После «Московского характера» мы начали работать над инсценировкой по каверинским «Двум капитанам». Одновременно ставили одноактовки. В одной из них я играл роль советского майора Белова—представителя комиссии по репатриации угнанных в Западную Германию наших соотечественников.

...Сейчас появляется много самостоятельных театральных студий. Это очень хорошо. Но все эти коллективы требуют помощи, условий, ищут спонсоров, а потом очень часто демонстрируют не, искусство, а зротику, если не порнуху на сцене. В то время у нас было не так. Никто нас не финансировал. Декорации мы делали сами из подручных материалов. Наш руководитель Л. И. Доллар получала сущие гроши

—клад руководителя драмкружка. Да и директор клуба еле сводил концы с концами. Нам никто не шил костюмов. Майора Белова я играл в старом фронтовом кителе секретаря парткома треста «Казметаллургстрой» — майора запаса Яговкина, а Зайцева — в том самом хлопчатобумажном костюме, в котором ходил на работу и на свидания, поскольку был молод.

Мы жили не только любовью к искусству, но и благодаря таким людям, как Доллар, Мадисон, Келлер. Это они, ссыльные, спецпереселенцы, изгои, сделали театральным тогдашний Темиртау. И все мы обязаны им благодарной памятью.

О. МУХИН,
член Союза журналистов
СССР.